

— · Артур Конан Дойл · —

ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГЕРДЛІСТОН

ВИКТОРИАНСКИЙ

БЕСТСЕЛЕР

Викторианский бестселлер

Артур Конан Дойл

Торговый дом Гердлстон

«Издательство АСТ»

1890

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Торговый дом Гердлстон / А. Дойл — «Издательство АСТ»,
1890 — (Викторианский бестселлер)

ISBN 978-5-17-184605-3

Торговому дому Гердлстон грозит разорение из-за поспешных и рискованных вложений его владельца. Чтобы удержать фирму на плаву, корыстолюбивый и лицемерный Джон Гердлстон решает женить своего сына Эзру на богатой наследнице. Выбрав в качестве невесты сироту Кэт Харстон, отец и сын намерены во что бы то ни стало присвоить все ее деньги... «Торговый дом Гердлстон» – один из ранних романов Дойла, в котором явно прослеживается влияние Ч. Диккенса, а также искусно переплетаются захватывающая интрига – с неожиданными поворотами сюжета – и трогательная история любви.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-184605-3

© Дойл А., 1890
© Издательство АСТ, 1890

Содержание

Глава I. Джон Харстон является в назначенный срок	6
Глава II. Благотворительность A La Mode [1]	13
Глава III. Джон Гилрей выгодно помещает капитал	16
Глава IV. Гамильтон Миггс, капитан «Черного орла»	19
Глава V. Современные афиняне	25
Глава VI. Выборы ректора	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Артур Конан Дойл Торговый дом Гердлстон

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*.

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2026

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава I. Джон Харстон является в назначенный срок

Вход в контору фирмы «Гердлстон и К^о» не слишком величествен и ничего не говорит непосвященным о солидности и богатстве этого торгового дома. Почти на самом углу широкой оживленной улицы, ярдах в двухстах от станции метрополитена «Фенчерч-стрит», узкая дверь открывается в длинный выбеленный коридор. На стене виднеется медная дощечка с надписью: «Гердлстон и К^о, торговля с Африкой» – и странным иероглифическим значком, который, по замыслу своего творца, должен был изображать человеческую руку с указующим перстом. Послушно доверяясь этой довольно зловещей эмблеме, посетитель оказывается затем в небольшом квадратном дворе, где его со всех сторон окружают двери, и на одной он вновь видит название фирмы, выведенное большими белыми буквами, а под ним словечко «толкайте». Если он последует этому лаконичному совету, то очутится в длинном низком зале, в котором и помещается контора коммерсантов, ведущих торговлю с Африкой.

В тот день, с которого мы начинаем свой рассказ, в конторе царили тишина и спокойствие. У окошечек в проволочной сетке не толклись посетители, хотя затоптанный линолеум свидетельствовал о том, что утро было весьма деловым. Туманный лондонский свет еле просачивался сквозь матовые стекла окон, и в углах собирались густые тени. В глубине зала на высоком табурете сидел пожилой человек с утомленным лицом и что-то бормоча и постукивая пальцами, выводил бесконечные столбики цифр. Поблизости от его табурета за двумя длинными полированными конторками красного дерева шесть молодых людей, склонив головы и сгорбив плечи, казалось, бешено неслись голова в голову на скачках жизни. Любой завсегда лондонских торговых контор, заметив их неиссякаемую энергию и неукоснительное прилежание, сразу заключил бы, что в зале находится кто-нибудь из владельцев фирмы.

В данном случае это был широкоплечий молодой человек с бычьей шеей; опираясь о мраморную каминную полку, он листал альманах и время от времени искоса посматривал на всех этих тружеников. Его энергичное квадратное лицо и прямая могучая фигура свидетельствовали о властном характере. Он был выше среднего роста и весьма плечист. Тяжелый, волевой подбородок, дерзкий, почти наглый взгляд, самая его поза говорили о решительности, доходящей до тупого упрямства. В правильных чертах смуглого лица и черной шапке жестких вьющихся волос было что-то античное. Но в этом классически правильном лице не читалась одухотворенность. Оно приводило на память какого-нибудь римского императора, великолепного в своей животной силе, но лишённого той особой мягкости взгляда и очертаний рта, которые свидетельствуют о богатой внутренней жизни. Тяжелая золотая цепочка поперек жилета и бриллиант, сверкавший на пальце, прекрасно гармонировали с чувственными губами и мощным подбородком. Вот каков был Эзра, единственный сын Джона Гердлстона и наследник всего его огромного коммерческого предприятия. Не удивительно, что предусмотрительные клерки прилежно гнулись над счетными книгами и трудились с усердием, рассчитанным на то, чтобы привлечь внимание младшего компаньона и показать ему, как ревностно они блюдают интересы фирмы.

Однако вскоре стало ясно, что молодой хозяин судит об их рвении отнюдь не по тому, как они усердствуют теперь. На его смуглом лице появилась сардоническая улыбка, и, не отрываясь от альманаха, он произнес только одно слово:

– Паркер!

Белобрысый клерк, примостившийся у дальнего конца конторки, вздрогнул и с испугом поднял голову.

– Ну, Паркер, кто же выиграл? – спросил младший компаньон.

– Кто выиграл, сэр? – пробормотал юноша.

– Ну да, кто выиграл? – повторил хозяин.

– Извините, сэр, я не понимаю, – сказал клерк, краснея и окончательно теряясь.

– О нет, Паркер. Отлично понимаете! – ответил молодой Гердлстон, постукивая по альманаху ножом для разрезания бумаги. – Когда я вернулся после завтрака, вы играли в чет и нечет с Робсоном и Перкинсом. Поскольку я заключаю, что вы занимались этим все время, пока я отсутствовал, то мне, естественно, хотелось бы знать, кто выиграл.

Трое несчастных устали в свои книги, стараясь избежать насмешливого взгляда хозяина. Он продолжал говорить все тем же спокойным тоном.

– Вы, господа, получаете от фирмы примерно тридцать шиллингов в неделю. Мне кажется, я не ошибаюсь, мистер Гилрей? – обратился он к старшему клерку, который сидел в стороне от других за собственной высокой конторкой. – Да, я так и думал. Разумеется, чет и нечет – вполне безобидная и очень увлекательная игра, однако это еще не значит, что мы готовы платить такие деньги только за удовольствие наблюдать ее в нашей конторе. Поэтому я порекомендую моему отцу вычесть по пять шиллингов из той суммы, которую каждый из вас получит в субботу. В счет времени, которое вы потратили на собственные забавы в часы работы.

Он умолк, и трое грешников начали успокаиваться и поздравлять себя, что отделались так дешево, когда вновь раздался его голос.

– Мистер Гилрей, приглядите, чтобы эти вычеты были произведены, – сказал Эзра Гердлстон. – И одновременно я попросил бы вас вычесть десять шиллингов из вашего собственного жалования: в отсутствие владельцев фирмы вы, как старший клерк, отвечаете за поддержание порядка в конторе, и, следовательно, вы пренебрегли своими обязанностями. Так позаботьтесь же выполнить мои указания, мистер Гилрей.

– Слушаю, сэр, – смиренно ответил старший клерк.

Это был пожилой человек, обремененный большой семьей, и потеря десяти шиллингов должна была значительно сказаться на воскресном обеде. Впрочем, он мог только склониться перед неизбежным, и на его худом, измученном лице появилось выражение кроткой покорности судьбе. Однако он не имел ни малейшего представления, каким образом заставить десять своих молодых подчиненных не нарушать порядка, и это сильно его тревожило.

Младший компаньон умолк, но клерки, которых он не назвал, продолжали работать с трепетом, полагая, что сейчас наступит и их черед. Однако боялись они напрасно: раздался резкий звук настольного гонга, и появился рассыльный, который доложил, что мистер Гердлстон просит мистера Эзру зайти к нему на минутку. Молодой человек обвел своих подданных пронзительным взглядом, но едва он удалился через внутреннюю дверь, как в воздух взлетели и были ловко пойманы десять перьев, и десять молодых людей предались насмешливому ликования, не обращая ни малейшего внимания на робкие попытки кроткого мистера Гилрея восстановить закон и порядок.

От конторы кабинет мистера Джона Гердлстона отделяли две двери: внешняя, из полированного дуба, и внутренняя, обитая зеленой бязью. Сам кабинет был невелик, но с очень высоким потолком, а на стенах красовались модели кораблей в разрезе, прикрепленные к доскам, словно окаменевшие останки доисторических рыб в музеях. Между ними висели фотографии различных судов, принадлежащих фирме, а также карты, морские карты и расписания многочисленных рейсов. Большая акварель над камином изображала барк «Белинда», выброшенный на риф к северу от мыса Пальмас. Из подписи под этим творением искусства следовало, что оно принадлежит кисти второго помощника и было преподнесено им главе фирмы. По общему мнению, из-за этого крушения фирма понесла значительные убытки, и в том, что Гердлстон украсил свой кабинет напоминанием о столь печальном событии, многие усматривали лишнее доказательство его хладнокровия и железной воли. Эту точку зрения, однако, по-видимому, не разделял некий циничный служащий агентства Ллойда, который умудрился, ловко используя левое веко и правый указательный палец, дать понять совершенно недвусмысленно, что барк,

возможно, был застрахован на значительно большую сумму, а убытки фирмы были не столь уж огромны.

Джон Гердлстон, сидевший в ожидании сына за квадратным письменным столом, несомненно, обладал незаурядной внешностью. Это суровое, худое лицо с резкими чертами и глубоко посаженными глазами говорило о сильном характере, который мог быть отдан служению как добру, так и злу. Он был брит, если не считать косматой бахромы седых бачков, соединявшихся с седыми волосами. По его непроницаемому лицу нельзя было прочесть решительно ничего, и свидетельствовало оно только о суровости и твердости, то есть о качествах, которые бывают свойственны и самым благородным натурам, и самым низменным. Быть может, именно благодаря этой неопределенности свет оценивал старого коммерсанта очень по-разному. Его считали фанатически религиозным, пуритански нравственным и щепетильно честным в делах. И все же находились люди, которые относились к нему подозрительно, и никто, за исключением только одного человека, не мог бы назвать его другом.

Когда в кабинет вошел его сын, Джон Гердлстон поднялся и встал спиной к огню. Он был гораздо выше сына, но плотное сложение молодого человека свидетельствовало о большей силе, которая объяснялась не только разницей в возрасте.

В кабинете отца Эзра оставил саркастический тон, который находил наиболее удобным для бесед с клерками, и стал самим собой, то есть резким и грубым.

– Ну, в чем дело? – спросил он, бросившись в кресло и побрякивая монетами в карманах брюк.

– Пришло известие от «Черного орла», – ответил его отец, – оно отправлено из Мадейры.

– А! – оживившись, воскликнул младший партнер. – Ну и как?

– Идет как будто с полным грузом. Так по крайней мере сообщает капитан Гамильтон Миггс.

– Удивляюсь, что Миггс был способен хоть что-то сообщить. И еще больше удивляюсь тому, что вы ему верите, – раздраженно сказал младший партнер. Он же никогда не бывает трезвым.

– Миггс – хороший моряк, и его уважают на побережье. Возможно, он иногда забывает о воздержанности, но у нас у всех есть свои недостатки. Вот список грузов, заверенный нашим агентом. Шестьсот бочек пальмового масла...

– Цены на масло упали, – перебил Эзра.

– Они поднимутся еще до прибытия «Черного орла», – уверенно возразил старший партнер. – Кроме того, он везет большую партию кокосовых орехов, камедь, черное дерево, шкуры, кошениль и слоновую кость.

Молодой человек даже присвистнул от удовольствия.

– Тут старик Миггс не промахнулся, – сказал он. – Слоновая кость стоит очень высоко.

– Несколько выгодных рейсов нам совершенно необходимы, – заметил Гердлстон. – Последнее время в наших делах был неприятный застой. Однако печальное событие мешает нам испытать ту радость, которую доставило бы нам это известие. Три матроса скончались от злокачественной лихорадки. Имен их он не назвал.

– Черт подери! – воскликнул Эзра. – Мы-то хорошо знаем, что это означает. Три бабы, каждая с кучей ребятишек, будут торчать в конторе с утра до вечера и требовать пенсии. И почему это матросы не имеют обыкновения сами обеспечивать свои семьи?

Его отец неодобрительно поднял белую руку.

– Мне хотелось бы, – сказал он, – чтобы ты не говорил о столь священных предметах с таким легкомыслием. Семья, неожиданно лишившаяся кормильца... Что может быть печальнее? Я не в силах выразить, как мне это горько.

– Так, значит, вы собираетесь назначить пенсию вдовам? – осведомился Эзра с легкой улыбкой.

– Отнюдь, – без колебаний ответил его отец. – Фирма «Гердлстон и К^о» это не страховая компания. Труженик достоин своего вознаграждения, но, когда он покидает наш мир, его семье следует рассчитывать лишь на то, что он сумел накопить благодаря трудолюбию и бережливости. Мы не можем назначить пенсии женам умерших матросов, потому что это создаст опасный прецедент и лишит их товарищей всякого желания откладывать деньги на черный день, а значит, косвенным образом явится поощрением порока и распущенности.

Эзра усмехнулся и громче забренчал мелочью и ключами в кармане.

– Однако я позвал тебя вовсе не для этого, – продолжал Гердлстон. Моим правилом всегда было ставить дела фирмы выше моих личных дел, какими бы неотложными эти последние ни казались. Меня известили, что Джон Харстон умирает и хотел бы повидаться со мной. Оставить в настоящее время контору для меня крайне неудобно, но я чувствую, что долг христианина требует, чтобы я откликнулся на подобный призыв. Поэтому я прошу тебя заменить меня здесь на время моего отсутствия.

– Да неужели это правда? – удивленно воскликнул Эзра. – Наверно, произошла какая-то ошибка. Я же сам еще в понедельник разговаривал с ним на бирже.

– Это случилось очень неожиданно, – ответил отец, снимая с вешалки широкополую шляпу. – Однако сомневаться, увы, нельзя. Доктор говорит, что он вряд ли проживет до вечера. Какая-то форма злокачественного тифа.

– Вы же с ним старинные друзья? – заметил Эзра, задумчиво поглядывая на отца.

– С самого детства, – ответил тот с сухим покашливанием, представлявшим самую высокую ноту его ограниченной эмоциональной гаммы. Твоя мать, Эзра, умерла в тот самый день, когда у жены Харстона родилась дочь, – тому минуло уже семнадцать лет. А миссис Харстон скончалась через несколько дней после родов. Я не раз слышал, как он говорил, что, быть может, и нам с ним суждено вместе покинуть эту юдоль. Однако все мы в руце Всемогущего, и, по-видимому, он пока призывает к себе только одного.

– А кому достанутся его деньги, если доктора не ошиблись? – с интересом осведомился Эзра.

– Все получит девушка, – ответил коммерсант. – Она будет богатой невестой. Насколько мне известно, у него нет других родственников, кроме Димсдейлов. А они и так богаты. Однако мне пора.

– Ах, кстати, тиф ведь очень заразителен, верно?

– Да, так говорят, – спокойно ответил коммерсант и, твердым шагом пройдя через всю контору, удалился.

Оставшись в кабинете один, Эзра Гердлстон протянул ноги к огню и, глядя в пламя, задумчиво пробормотал:

– Папаша – настоящий кремь. А все же это наверняка задело его больше, чем он показывает. Само собой! Единственный друг, который у него был на всем свете, а уж другим он больше не обзаведется! Впрочем, мне-то какое дело? – И, утешившись этой мыслью, он, насвистывая, принялся листать секретный журнал фирмы.

Возможно, что Эзра был прав в своем заключении, и невозмутимость сдержанного коммерсанта скрывала страдающее сердце, когда он подозвал извозчика и поехал в Фулем, где жил его друг. Они с Харстоном вместе учились в школе для бедных, вместе терпели тяготы в юности, вместе вырвались из нищеты и вместе разбогатели. В те дни, когда Джон Гердлстон был долговязым юнцом, а Харстон – круглолицым мальчишкой, этот последний привык смотреть на старшего товарища, как на своего защитника и руководителя. Бывают характеры паразитические по своей природе. Они чахнут в одиночестве и стремятся прилепиться к более сильной натуре, чтобы заимствовать чувства и мысли, так сказать, из вторых рук. Энергичный, деятельный ум со временем неизбежно собирает вокруг себя много других интеллектов, представляющих собой лишь слабую его копию. Вот почему с годами Харстон привыкал все больше и

больше опираться на товарища своих школьных лет; он стремился привить многие из его суровых свойств своему простому и безвольному характеру, так что в конце концов превратился в нелепую пародию на оригинал. Для него Гердлстон был совершенством, поступки Гердлстона – единственно правильными, мнение Гердлстона – справедливейшим и непогрешимым. Сорок лет такой неизменной преданности не могли не произвести впечатления на Гердлстона, как бы он ни пытался это скрыть.

Харстон, неустанно трудясь и во всем себе отказывая, сумел основать экспортную торговую контору. В этом он последовал примеру своего друга. Однако интересы их столкнулись не могли, поскольку торговые операции Харстона ограничивались Средиземным морем. Его предприятие росло и процветало, так что в Сити на Харстона посматривали с уважением. Его единственной дочери Кэт недавно исполнилось семнадцать. Близких родственников у него не было, если не считать доктора Димсдейла, преуспевающего врача, практиковавшего в Вест-Энде. Не удивительно, что деловитый Эзра Гердлстон (а вероятно, и его отец) заинтересовался тем, как умирающий распорядится своим состоянием.

Гердлстон распахнул железную калитку и быстро пошел по усыпанной песком дорожке. С безоблачных небес осеннее солнце лило золотые лучи на зеленый газон и пестрые цветочные клумбы. Воздух, листья, птицы – все говорило о жизни, и трудно было представить себе, что костлявая рука смерти уже готовилась опуститься на того, кому принадлежало все это. По ступенькам крыльца сходил невысокий толстяк в черном.

– Скажите, доктор – спросил коммерсант, – в каком положении ваш пациент?

– Неужели вы хотите увидеться с ним? – в свою очередь спросил доктор, с любопытством поглядывая на землисто-бледное лицо и кустистые брови Гердлстона. – Да, я как раз иду к нему.

– Это самая заразная форма тифа. Он может умереть в ближайший час, а может протянуть и до вечера, но надежды нет никакой. Боюсь, он вас не узнает, а помочь ему вы ничем не можете. Болезнь чрезвычайно заразна, и вы бесцельно подвергнете себя опасности. Настоятельно рекомендую вам отказаться от своего намерения.

– Однако, доктор, сами вы только что были у него.

– Но ведь это же мой долг.

– И мой, – решительно ответил коммерсант.

Поднявшись по каменным ступеням, он вошел в прихожую. Дверь в большую гостиную на первом этаже была распахнута, и посетитель увидел зрелище, которое заставило его на мгновение замедлить шаг. В нише окна сидела молодая девушка; ее миниатюрная гибкая фигурка поникла, руки были сцеплены на затылке, а локти опирались о маленький столик, стоявший перед ней. Великолепные каштановые волосы падали густой волной на белые округлые руки, а изящный изгиб прекрасной шеи привел бы в восторг скульптора, который искал бы позу для статуи скорбящей Богоматери. Доктор только что сообщил ей страшную весть, и она еще переживала первый пароксизм своего горя – такого мучительного горя, которое, как понял даже не склонный к сентиментальности коммерсант, отвергает самую мысль об утешении. Однако находившаяся в комнате борзая, казалось, была иного мнения: во всяком случае, она положила передние лапы на колени своей молодой хозяйке и пыталась протиснуть узкую морду между ее руками, чтобы лизнуть ей лицо в знак собачьего сочувствия. Коммерсант постоял в нерешительности несколько секунд, а потом поднялся по широкой лестнице, распахнул дверь в спальню Харстона и вошел.

Жалюзи были закрыты, и в комнате царил темнота. В ней стоял едкий запах карболки, смешанный с кисловатым тяжелым запахом болезни. Кровать находилась в дальнем углу. Еще не разглядев больного. Гердлстон услышал его хриплое, учащенное дыхание. Увидев посетителя, сиделка встала со своего места возле кровати, шепнула ему несколько слов и вышла из спальни. Гердлстон приоткрыл жалюзи, чтобы впустить в комнату немного света. Большая ком-

ната казалась унылой и голой, так как все ковры и занавеси были убраны, чтобы уменьшить возможность будущей инфекции. Джон Гердлстон тихими шагами приблизился к кровати и сел рядом со своим умирающим другом.

Страдалец лежал на спине, по-видимому, не сознавая, что происходит вокруг. Остеклевшие глаза были обращены к потолку, из полуоткрытых запекшихся губ вырывалось хриплое, прерывистое дыхание. Даже неопытный взгляд коммерсанта сразу различил, что над больным витает ангел смерти. Неуклюже, потому что нежность не была в его характере, Гердлстон смочил губку и провел ею по пылающему лбу Харстона. Тот повернул голову, и его взгляд стал осмысленным и благодарным.

– Я знал, что ты придешь, – сказал он.

– Да, я отправился к тебе, как только мне сообщили о твоём желании.

– Я рад, что ты здесь, – со вздохом облегчения произнес страдалец.

Его изможденное лицо так просветлело, словно даже теперь, на самом пороге смерти, присутствие старого школьного друга обнадеживало его и ободряло. Вытащив из-под одеяла исхудалую руку, он положил ее на руку Гердлстона.

– Мне нужно поговорить с тобой, Джон, – сказал он. – Я очень ослабел. Ты хорошо меня слышишь?

– Да, хорошо.

– Налей мне ложку лекарства вон из этого флакона. После него мысли меньше мешаются. Я написал завещание. Джон.

– Так, – сказал коммерсант, ставя флакон на место.

– Нотариус составил его сегодня утром. Нагнись пониже – так тебе будет слышнее. У меня осталось меньше пятидесяти тысяч. Мне следовало бы ликвидировать дело еще несколько лет назад.

– Я же тебя предупреждал, – сухо перебил его Гердлстон.

– Да, да, конечно. Но я хотел сделать как лучше... Сорок тысяч я оставляю моей дорогой дочери Кэт.

На лице Гердлстона появилось выражение интереса.

– А остальное? – спросил он.

– Остальное я распорядился разделить поровну среди лондонских школ для бедных. Мы с тобой оба были в юности бедняками, Джон, и знаем, как много значат такие школы.

На лице Гердлстона как будто отразилось разочарование. Больной очень медленно, с трудом продолжал:

– Моя дочь получит сорок тысяч фунтов. Но они помещены так, что до совершеннолетия она ни сама не сможет воспользоваться капиталом, ни уполномочить на это кого-нибудь другого. У нее нет друзей, Джон, и нет родственников, кроме моего троюродного брата доктора Джорджа Димсдейла. Она остается совсем одинокой и беззащитной. Умоляю тебя, возьми ее в свой дом. Обходись с ней, как если бы она была твоей дочерью. А главное, охраняй ее от всех тех, кто будет готов погубить ее юную жизнь, лишь бы завладеть ее состоянием. Обещай мне это, старый друг, и я умру счастливым.

Коммерсант ничего не ответил. Его густые брови задумчиво сошлись на переносице, а лоб прорезали глубокие морщины.

– Ты единственный праведный и справедливый человек среди тех, кого я знаю, – продолжал страдалец. – Дай мне воды, у меня совсем пересохло во рту. И если, чего да не допустит бог, моя милая девочка умрет до того, как выйдет замуж, тогда... – Больной задохнулся и умолк.

– Ну, что тогда?

– Тогда, мой старый друг, ее состояние перейдет к тебе, потому что никто не сумеет распорядиться им лучше тебя. Таковы условия моего завещания. Но ты будешь беречь и леле-

ять Кэт, как берег бы и лелеял ее я сам. Она нежный цветок, Джон, и слишком слаба, чтобы остаться без защиты. Обещай мне, что ты поможешь ей. Ты обещаешь?

– Обещаю, – ответил Джон Гердлстон глубоким голосом. Он встал и нагнулся совсем низко, чтобы расслышать слова умирающего.

Харстон быстро слабел. Он с трудом указал на лежащую на столе книгу в коричневом переплете.

– Возьми ее в руки, – сказал он.

Коммерсант взял книгу.

– А теперь повторяй за мной: я клянусь и торжественно обязуюсь...

– Я клянусь и торжественно обязуюсь...

– ...лелеять и охранять, как если бы она была моей собственной дочерью... – донесся дрожащий голос с кровати.

– ...лелеять и охранять, как если бы она была моей собственной дочерью... – повторил глубокий бас коммерсанта.

– ...Кэт Харстон, дочь моего покойного друга...

– ...Кэт Харстон, дочь моего покойного друга...

– ...И как я поступлю с ней, так да поступит со мной моя собственная плоть и кровь!

Голова больного бессильно упала на подушку.

– Благодарение богу, – пробормотал он, – теперь я могу умереть спокойно.

– Отврати свои мысли от суеты и праха этого мира, – сурово сказал Джон Гердлстон, – и устреми их на то, что вечно и не подвластно смерти.

– Ты уже уходишь? – грустно спросил больной, увидев, что коммерсант взял свою шляпу и палку.

– Да, я должен идти. У меня в шесть часов свидание в Сити, на которое я не могу не явиться.

– И у меня свидание, на которое я не могу не явиться, – прошептал умирающий со слабой улыбкой.

– Я сейчас же пошлю к тебе сиделку, – сказал Гердлстон. – Прощай.

– Прощай. Да благословит тебя бог, Джон.

Крепкая, сильная рука здорового человека на мгновение сжала ослабевшие горячие пальцы больного. А потом Джон Гердлстон тяжелым шагом спустился по лестнице, и на этом закончилось последнее прощание друзей, чья дружба длилась сорок лет.

Коммерсант явился на свое свидание в Сити вовремя, но задолго до того как он добрался туда, Джон Харстон отправился на то последнее ужасное свидание, вестник которого – Смерть.

Глава II. Благотворительность A La Mode ¹

Было пасмурное октябрьское утро. Со времени вышеописанных событий прошло несколько недель. Сумрачный городской воздух казался еще более сумрачным сквозь матовые стекла конторы на Фенчерч-стрит. Гердлстон, такой угрюмый и серый, словно он был воплощением осенней погоды, склонился над своим столом красного дерева.

Перед началом дневных трудов он отмечал в развернутом перед ним длинном списке биржевые курсы тех товаров, в которые были вложены капиталы фирмы. В кресле напротив него сидел, развалиясь, его сын Эзра: лицо молодого человека несколько опухло, а под глазами виднелись темные круги, потому что он веселился почти до утра, а теперь расплачивался за это.

– Фу! – воскликнул его отец, с отвращением оглядываясь на него. – Ты уже пил, хотя еще только утро.

– По дороге в контору я выпил коньяку с сельтерской, – равнодушно ответил Эзра. – Нужно же было взбодриться.

– Молодому человеку твоих лет вообще незачем взбадриваться. У тебя прекрасное здоровье, но не следует подвергать его таким испытаниям. Ты вернулся, должно быть, очень поздно. Я сам лег спать почти в час.

– Я играл в карты с майором Клаттербеком и еще кое с кем. Мы засиделись допоздна.

– С майором Клаттербеком?

– Да.

– Мне не нравится, что ты так много времени проводишь в обществе этого человека. Он пьет, играет в азартные игры – такое знакомство не принесет тебе пользы. Какую пользу он принес самому себе? Поберегись, а не то он тебя оберет! – Но, взглянув на смуглое хитрое лицо сына, коммерсант почувствовал, что подобное предупреждение излишне.

– Не беспокойтесь, отец, – обиженно ответил Эзра. – Я уже достаточно взрослый, чтобы уметь выбирать друзей.

– Но зачем тебе такой друг?

– Мне нравится знакомиться с людьми, принадлежащими к этому классу. Вы преуспевающий коммерсант, отец, но вы... Ну, в обществе вы мне особенно помочь не можете. Тут нужен человек, который знает там все ходы и выходы, человек вроде майора. А когда я смогу обойтись без него, я сразу дам ему это понять.

– Ну, поступай как знаешь, – коротко ответил Гердлстон.

Этот суровый и безжалостный человек имел только одну слабость. Еще с тех пор, когда его сын был совсем мальчиком, все споры между ними заканчивались этой фразой.

– Однако сейчас время заниматься делом, – продолжал коммерсант. – Ну так и будем заниматься делом. Я вижу, что иллинойские стояли вчера на ста двенадцати пунктах.

– Сегодня утром они стоят на ста тринадцати.

– Как, ты уже побывал на бирже?

– Да, я зашел туда по пути в контору. Я бы попридержал их. Они будут подниматься еще несколько дней.

Старший партнер сделал пометку на полях списка.

– Хлопок, какой у нас есть, мы пока придержим, – сказал он.

– Нет, продавайте немедленно, – решительно ответил Эзра. – Вчера вечером, а вернее, сегодня утром, я видел молодого Феверстона из Ливерпуля. Разобрать, что говорил этот дурак, было трудно, но, во всяком случае, ясно одно: в ближайшее время хлопок упадет.

¹ По моде (фр.).

Гердлстон сделал в списке еще одну пометку. Он давно уже без колебаний следовал советам сына, так как долгий опыт показал ему, что они всегда были основательны.

– Возьми этот список, Эзра, – сказал он, протягивая ему лист, – и просмотри его. Если заметишь что-нибудь, что требует перемен, сделай пометку.

– Я займусь этим в конторе, – заметил его сын. – Надо же приглядывать за лентями-клерками. Гилрею не под силу держать этих бездельников в руках.

В дверях Эзра столкнулся с пожилым джентльменом в белом жилете – тот как раз собирался войти и от плеча Эзры отлетел прямо на середину кабинета, где обменялся со старшим Гердлстоном самым сердечным рукопожатием. Судя по любезности, с которой последний приветствовал своего посетителя, это, несомненно, был человек влиятельный. И действительно, коммерсанта навестил не кто иной, как известный филантроп мистер Джефферсон Эдвардс, член парламента от Мидлхерста, чья подпись на векселе не многим уступала в солидности подписи самого Ротшильда.

– Как поживаете, Гердлстон, как поживаете? – восклицал гость, утирая лицо носовым платком. (Он был невысок, суетлив и отличался резкими, нервными манерами.) – Как всегда в трудах, э? Ни минуты безделья. Удивительный человек. Ха-ха, удивительный!

– Вы как будто разгорячились, – ответил коммерсант, потирая руки. – Разрешите предложить вам кларета. У меня в шкафу найдется бутылочка.

– Нет, благодарю вас, – ответил гость, глядя на главу фирмы, как на какую-то ботаническую диковинку. – Необычайный человек! В Сити вас называют «Железный Гердлстон». Хорошее прозвище, ха-ха, превосходное – железо, жесткое на вид, но мягкое здесь, мой дорогой сэр. – Филантроп постучал тростью себя по груди в том месте, где расположено сердце, и громко рассмеялся, а его угрюмый собеседник слегка улыбнулся и наклонил голову, благодаря за комплимент.

– Я пришел сюда просителем, – сообщил мистер Джефферсон Эдвардс, извлекая из внутреннего кармана внушительный список. – И знаю, что пришел туда, где проситель не встретит отказа. «Общество по эволюции туземного населения», дорогой мой, и для того, чтобы учредить его, требуется лишь несколько сотен фунтов. Благородная цель, Гердлстон, чудесная задача!

– Но какова же цель? – спросил коммерсант.

– Ну, эволюция туземцев, – слегка растерявшись, ответил Эдвардс. – Так сказать, дарвинизм на практике. Заставить их эволюционировать в высшие типы и в конце концов сделать их всех белыми. Профессор Уилдер прочел нам об этом лекцию. Я пришлю вам экземпляр «Таймс» с отчетом о ней. Он говорил про их большие пальцы. Они не могут загнуть их на ладонь, и у них есть рудименты хвоста – то есть были... до тех пор, пока не исчезли благодаря образованию. Волосы на спине они вытерли, прислоняясь к деревьям. Изумительно! Им требуется только немножко денег.

– Мне кажется это весьма похвальная цель, – с глубокой серьезностью произнес Гердлстон.

– Я не сомневался, что вы это скажете! – восторженно воскликнул коротышка-филантроп. – И, разумеется, поскольку вы ведете торговлю с африканскими аборигенами, их развитие и эволюция, несомненно, чрезвычайно для вас важны. Если, например, вам придется продавать свои товары человеку, обладающему рудиментом хвоста и неспособному загнуть собственный большой палец, это же... это же очень неприятно. Мы стремимся повести их вверх по лестнице человечества и облагородить их вкусы. Хьюэтт, член Королевского общества, примерно год назад отправился собирать сведения по этому вопросу, но произошел чрезвычайно прискорбный инцидент. Если не ошибаюсь, Хьюэтта постигло какое-то несчастье... Некоторые даже утверждают, будто его съели. Как видите, мой дорогой друг, у нас имеются

даже свои мученики, и мы, те, кто остается дома и не несет никаких тягот, во всяком случае, обязаны по мере сил поддерживать такое благое начинание.

– Кто уже подписал? – спросил коммерсант.

– Дайте-ка взглянуть, – ответил Джефферсон Эдвардс, разворачивая подписной лист. – Спригс – десять; Мортон – десять; Уиглуорт – пять; Хокинс – десять; Индерман – пятнадцать; Джонс – пять... и еще многие подписались на меньшие суммы.

– А какой пока наибольший взнос?

– Индерман, импортер табака, пожертвовал пятнадцать фунтов.

– Это – благое дело, – сказал мистер Гердлстон, макая перо в чернильницу. – «Рука дающего...» Вы знаете, что говорится в Писании. И, разумеется, список жертвователей будет опубликован в газетах?

– Непременно!

– Вот от меня чек на двадцать пять фунтов. Я горжусь этой возможностью внести свою лепту в дело возрождения несчастных, которых провидение поставило более низко, чем меня.

– Гердлстон! – с чувством сказал член парламента, пряча чек в карман. – Вы прекрасный человек. Я этого не забуду, друг мой, я этого никогда не забуду.

– У богатства есть свои обязанности, и оказание помощи нуждающимся одна из них, – проникновенно ответил Гердлстон, пожимая протянутую руку филантропа. – До свидания, дорогой сэр. Будьте добры известить меня, если наши усилия увенчаются успехом. В случае, если понадобятся еще деньги, вы знаете, к кому можно обратиться.

Когда старший компаньон закрывал дверь за своим посетителем, на его суровом лице мелькнула ироническая улыбка.

– Выгодное помещение капитала, – пробормотал он, вновь усаживаясь. – Он пользуется влиянием в парламенте и очень богат, так что выгодно и потратиться, чтобы сохранить с ним хорошие отношения. И в списке это выглядит отлично и внушает доверие. Да, да, эти деньги не брошены на ветер.

Когда прославленный филантроп проходил через контору, Эзра вежливо ему поклонился, а Гилрей, сухонький старший клерк, поспешил распахнуть перед ним дверь. Проходя мимо, Джефферсон Эдвардс повернулся и хлопнул старика по плечу.

– Счастливцев, – сказал он своим обычным отрывистым тоном, – служить у такого хозяина... образец, достойный подражания... замечательный человек! Смотрите на него, берите с него пример, подражайте ему во всем – вот лучший способ продвинуться. Не ошибетесь. – И он рысцой пересек двор, отправляясь за новыми пожертвованиями на свою последнюю причуду.

Глава III. Джон Гилрей выгодно помещает капитал

Старичок клерк еще стоял на пороге, глядя вслед исчезающему миллионеру, и мысленно соединял его обрывочные фразы в красноречивый совет, который следовало обдумать дома на досуге, но тут он заметил неподалеку от двери бледную женщину с ребенком на руках. Она робко глядела на него, словно хотела заговорить с ним, но не решалась. Затем, быть может, уловив выражение доброты на его морщинистом лице цвета старого пергамента, она все же подошла к нему.

– Нельзя ли мне повидать мистера Гердлстона, сэр? – спросила она, приседая. – А может, вы и есть мистер Гердлстон?

Одета она была очень бедно, а глаза ее распухли и покраснели, словно от слез.

– Мистер Гердлстон у себя в кабинете, – ласково ответил старший клерк. – Он, наверное, примет вас: погодите, пока я схожу справлюсь.

Он не мог бы говорить любезнее, даже если бы обращался к самой величественной из тех одетых в шелка, украшенных перьями дам, которые порой посещали контору. Поистине в наши дни подлинный рыцарственный дух часто чуждается внешнего блеска и находит приют в самых неожиданных местах.

Когда посетительница вошла в кабинет главы фирмы, он посмотрел на нее с удивлением и некоторой подозрительностью.

– Садитесь, голубушка, – сказал он. – Чем могу быть полезен?

– Уж вы извините меня, мистер Гердлстон. Я миссис Хадсон, – объяснила она, робко присаживаясь на самый краешек стула. (Бедняжка очень устала, и у нее болели ноги, потому что ей пришлось нести малыша от самого Степни.)

– Хадсон... Хадсон... Что-то я не помню этой фамилии, – сказал Гердлстон, задумчиво покачивая головой.

– Да это, сэр, Джим Хадсон, мой муж – он много лет служил боцманом на вашем, значит, корабле, на «Черном орле». Он-то все старался заработать побольше для меня и малыша, сэр, да только помер от лихорадки, бедненький, и лежит, значит, в реке Бонни с пушечным ядром на ногах – это мне плотник сказал, который сам его зашивал в холстину. Да уж лучше бы и мне помереть вместе с ним.

Она расплакалась, закрывая лицо краешком платка, а ребенок, разбуженный ее всхлипываниями, протер глазки морщинистыми ручонками и принялся оглядывать мистера Гердлстона и его кабинет с философской взыскательностью раннего детства.

– Успокойтесь, голубушка, успокойтесь, – сказал глава фирмы.

Беда, напророченная Эзрой, настигла его, и он лишний раз с удовольствием убедился в деловой проницательности своего сына.

– Уж такое горе, – говорила миссис Хадсон, вытирая глаза, но все еще время от времени судорожно всхлипывая. – Я, значит, услышала, что «Черный орел» вошел уже в устье, да и потратила все деньги, какие у меня были, чтобы приготовить Джиму ужин повкуснее – яичницу с ветчиной, уж так-то он ее любил! И пинту портера и четвертинку виски, чтобы он, значит, мог согреться, а то ведь он такой мерзляк был, а тут-то еще возвращался из теплых стран... Ну, значит, я пошла к реке-то и вижу: подымается «Черный орел» вверх по течению, буксир его тащит. Ну, да я его сразу признала по двум белым полоскам, и попугаи еще верещали, даже на берегу слышно было. И вижу, там матросы толпятся у борта. Ну, я, значит, помахала платком, а кто-то мне тоже оттуда помахал. «Уж Джим-то всегда свою женушку узнает», – говорю я себе и так-то обрадовалась! Да как побегу туда, где они пристать должны были. Да только я до того разволновалась, что даже и не видела, куда бегу, ну и народу на пристани много было – вот я и добралась туда, когда корабль-то уже причалил. Я, значит, сразу бегу по сходням и прямо

натякаюсь на Сэнди Макферсона, а я его с тех пор знаю, как мы жили в Биннакл-лейн. «Где Джим-то?» – говорю я и бегу дальше, прямо в кубрик. Только он как схватит меня за руку. «Потише, – говорит, – не торопись так». Тут я на него поглядела, а лицо-то у него до того печальное, что у меня колени прямо так и подогнулись. «Где Джим?» – говорю я. А он мне: «Не спрашивай». «Где он, Сэнди?» Я, значит, закричала это, и сразу сама прошу: «Не говори ты этого слова, Сэнди, не говори». Но только, сэр, я и без его слов поняла все как есть да и повалилась на палубу без чувств. Помощник отвез меня домой на извозчике, и я вот вхожу, а стол-то, сэр, накрыт, и пиво стоит; все так прибрано, уютно, а девочка-то спрашивает, где, значит, ее папа: я ведь ей сказала, что он привезет ей подарок из Африки... А тут-то, сэр, как я подумала, что лежит он мертвый в реке Бонни, так, сэр, у меня чуть сердце не разорвалось.

– Большое несчастье, – сказал коммерсант, покачивая седой головой. Тяжкая потеря. Но все это, миссис Хадсон, – ниспосланное нам испытание. Это предостережение, дабы мы не слишком предавались суете этого мира, а стремились к более высоким целям и лелеяли не столь преходящие надежды. Даже лучшие из нас – лишь бедные близорукие создания и нередко принимают зло за добро. И то, что ныне вас так печалит, если взглянуть на это надлежащим образом, возможно, в будущем окажется поворотным пунктом, с которого и начнется истинное ваше счастье.

– Да благословит вас бог, сэр, – сказала вдова, все еще робко утирая глаза кончиком платка. – Добрый вы джентльмен. У меня от ваших слов прямо на душе полегчало.

– У нас у всех есть свои невзгоды и несчастья, – продолжал глава фирмы, – у некоторых больше, у других меньше. Сегодня – ваша очередь, а завтра, быть может, наступит моя. Но будем стремиться к достойной цели, и бремя невзгод не заставит нас упасть без сил у дороги. А теперь, миссис Хадсон, я должен пожелать вам всего самого лучшего. Поверьте, я глубоко вам сочувствую.

Вдова встала, нерешительно потопталась на месте, словно собираясь сказать еще что-то.

– А когда мне можно будет получить жалованье Джима, сэр? – спросила она робко. – Я уж заложила почти все вещи, и мы с дочкой совсем ослабли от голода.

– Жалованье вашего мужа, – сказал коммерсант, снимая с полки счетную книгу и быстро ее листая. – Мне кажется, вы заблуждаетесь, миссис Хадсон. Посмотрим, посмотрим: Доусон, Даффилд, Эверард, Фрэнсис, Грегори, Гантер, Харди. А... вот! Хадсон, боцман «Черного орла». Как я вижу, он получал в месяц пять фунтов. Плавание длилось восемь месяцев. Но ваш супруг скончался, когда судно находилось в море всего два с половиной месяца.

– Это верно, сэр, – сказала вдова, с тревогой вглядываясь в длинные столбцы цифр на странице книги.

– Разумеется, контракт с его смертью потерял силу, и, таким образом, фирма была должна ему двенадцать фунтов десять шиллингов. Однако, согласно моим книгам, все эти восемь месяцев вы получали половину его жалованья. Следовательно, фирма выплатила вам двадцать фунтов, и, таким образом, вы должны ей семь фунтов десять шиллингов. Пока мы не будем говорить об этом, – великодушным тоном заключил коммерсант. – Вы можете уплатить этот должок, когда ваши обстоятельства поправятся, но дальнейшей помощи от нас вам, разумеется, ожидать не следует.

– Да как же, сэр, ведь у нас ничего нет! – заплакала миссис Хадсон.

– Печально, весьма печально, но обращаться за помощью вам следует не к нам. Вы женщина рассудительная, и сами это поймете, ведь теперь я вам все объяснил. Прощайте. Желаю вам всего самого хорошего и надеюсь, вы будете время от времени извещать нас о том, как вы живете. Мы всегда интересуемся семьями наших служащих. – Мистер Гердлстон открыл дверь, и бедная женщина побрела через контору, пошатываясь и сгибаясь под тяжестью ребенка.

Во дворе она остановилась, ошеломленно озираясь вокруг. Старший клерк, задержавшись на пороге, с тревогой наблюдал за ней. Затем он быстро оглянулся. Эзра Гердлстон вни-

мательно изучал какие-то счета, а все клерки тоже были поглощены своей работой. Гилрей с виноватой улыбкой тихонько подошел к женщине, сунул ей что-то в руку и поспешил назад в контору с таким строгим выражением на лице, словно все его мысли были заняты делами фирмы. Есть спекуляции, недоступные дельцам. Быть может, Джон Гилрей, эти полкроны, которые были так нужны тебе самому, ты поместил куда более выгодно, чем твой хозяин свои двадцать пять фунтов.

Глава IV. Гамильтон Миггс, капитан «Черного орла»

Глава фирмы только-только успел вернуть себе душевное спокойствие, после того как он выполнил свой тяжкий долг и объяснил вдове Хадсон ее финансовое положение, когда его чуткий слух уловил звук тяжелых шагов в конторе. И тут же послышался грубый голос, который в выражениях, куда более энергичных, чем те, что обычно раздавались в этих респектабельных стенах, осведомился, можно ли видеть хозяина или нет. Ответ, по-видимому, последовал утвердительный, потому что грузные шаги начали быстро приближаться, а затем два мощных удара в дверь возвестили, что посетитель находится по ту ее сторону.

– Войдите! – крикнул мистер Гердлстон, кладя перо.

Вслед за этим приглашением ручка опустилась, и дверь медленно повернулась на петлях. Однако в комнату проник только сильный аромат спиртных напитков, за которым не последовало ничего более существенного.

– Входите же, – нетерпеливо повторил коммерсант.

При этом втором разрешении из-за косяка медленно возникла густая копна черных волос. Затем лоб цвета меди и пара косматых бровей, а вслед за ними – два глаза, желтоватых и нездоровых, которые словно стремились выскочить из глазниц. Глаза эти неторопливо оглядели сперва главу фирмы, а затем и весь кабинет, после чего, словно успокоенная осмотром, появилась и остальная часть лица: расплющенный нос, большой рот, нижняя губа которого отвисала, обнажая ряд пожелтевших от никотина зубов, и наконец всклокоченная черная борода, начинавшаяся от самых скул и неопровержимо свидетельствующая, что ее владелец ел за завтраком яичницу. За головой не замедлило последовать и туловище, но, впрочем, все тем же манером, свойственным больше анаконде, и наконец на пороге возник весь человек целиком. Это был коренастый моряк в неизменной куртке и синих штанах. Свою клеенчатую шляпу он держал в руке. Скрипя подошвами и неприятно ухмыляясь, он двинулся к коммерсанту, протягивая в знак приветствия волосатую руку, испещренную татуировкой.

– Здравствуйте, капитан, – сказал Гердлстон, подымаясь и сердечно трясая руку вошедшего. – Рад вас видеть целым и невредимым.

– И я рад вас видеть, сэр, очень рад.

Голос посетителя был низкий и хриплый, а походка – неуверенная, словно после тяжелого запоя.

– Я вошел эдак осторожно, – продолжал он. – Я ж не знал, кто тут может у вас сидеть. Когда мы, значит, с вами беседуем, нам лишние уши не нужны.

Гердлстон чуть-чуть приподнял косматые брови, как будто этот намек на общие его секреты с капитаном пришелся ему не слишком по вкусу.

– Может быть, вы все-таки присядете? – сказал он.

Капитан взял плетеный стул и отнес его в самый дальний угол кабинета. Затем он внимательно осмотрел стену, постучал по ней костяшками пальцев и наконец сел, продолжая время от времени с опаской поглядывать через плечо.

– Чего-то на меня трясучка находит, – объяснил он владельцу фирмы. Ну, и оно спокойнее, когда знаешь, что позади-то никого нет.

– Вам следовало бы побороть это отвратительное пристрастие к горячительным напиткам, – нравоучительно заметил мистер Гердлстон. – Так проматываются драгоценнейшие дары, которыми награждает нас провидение. Это не доведет вас до добра ни в этом мире, ни в том.

Однако этот разумнейший совет, казалось, не произвел на капитана Гамильтона Миггса ни малейшего впечатления. Более того, он испустил довольно громкий смешок и, хлопнув себя по колену, заметил вслух, что его хозяин «ловкая штучка», и несколько раз повторил это выражение с нескрываемым восхищением.

– Ну что же. – сказал Гердлстон после короткого молчания. – Дети есть дети, а моряки – моряки. Когда восемь месяцев треволений и тяжелого труда завершаются полным успехом – я горжусь, что могу произнести эти слова! почему бы не позволить себе небольшого удовольствия? К другим я не отношусь с той же строгостью и взыскательностью, с какой сужу свои собственные поступки.

Но изложение столь благородных принципов также не растрогало закоснелого Миггса, а только еще больше его развеселило и подвигло его сделать еще несколько восхищенных замечаний относительно интересных свойств характера его хозяина.

– Я должен поздравить вас с очень удачным грузом и пожелать такой же удачи и в следующем вашем плавании, – продолжал коммерсант.

– Слоновая кость, и золотой песок, и шкуры, и камедь, и кошениль, и черное дерево, и рис, и табак, и фрукты, и орехи. Хотел бы я посмотреть на груз получше этого! – вызывающим тоном ответил моряк.

– Прекрасный груз, капитан, да, да, прекрасный! Если не ошибаюсь, во время плавания вы потеряли троих людей?

– Да, их трое у меня концы отдали. Двоих доконала лихорадка, а одного змея укусила. И что это за матросы нынче пошли, хоть убей, не пойму. Когда я ходил простым матросом, мы бы постыдились дохнуть от таких пустяков. Да вот хоть меня взять: я шестнадцать раз переболел гнилой лихорадкой, валялся и с желтой лихорадкой и с дизентерией. А на Андаманских островах меня кусала черная кобра. И холерой я тоже болел. Я тогда плывал на бриге у Сандвичевых островов. И всей-то нашей команды было три матроса и семь покойников. И все это с меня – как с гуся вода. И дальше тоже так будет. Только вот что, хозяин, не найдется ли у вас тут хлебнуть чего-нибудь покрепче?

Старший компаньон встал и, взяв из шкафа бутылку рома, наполнил довольно большой стакан. Моряк с жадностью его осушил и с удовлетворенным вздохом поставил на стол.

– А скажите-ка, – сказал он с неприятной фамильярной усмешкой, небось, вы очень удивились, что мы вернулись, а? Ну, скажите честно, как мужчина мужчине.

– Отчего же? Ваше судно хоть и старое, да зато крепкое. Ему еще плавать и плавать, – ответил коммерсант.

– Плавать и плавать! Да разрази меня бог! В Бискайском заливе мы чуть было не пошли на дно кормить рыб. Ну и ночка была, доложу я вам: штормяга задувал с вест-зюйд-веста и дул, проклятый, уже третий день, так что нам солоно пришлось. Еще когда мы из Англии уходили, старое корыто только-только держалось на воде. Ну, а солнышко вытопило всю смолу из швов – палец пролезет, если не вся ладонь! Два дня и одну ночь мы не отходили от помп – текло оно, как решето. Фортопсель у нас прямо с раксами сорвало. Я уж думал, не видать нам больше Лондона.

– Раз оно выдержало такой шторм, то прекрасно может сделать еще один рейс.

– Отправиться-то оно отправится, – угрюмо сказал моряк, – только назад не вернется, это уж как пить дать.

– Что с вами сегодня, Миггс? Вы просто на себя не похожи. Мы высоко ценим вас как храброго и мужественного человека – разрешите, я вам еще налью! – который не побоится маленького риска, когда есть ради чего рисковать. Смотрите, вы лишитесь своей репутации, если не возьмете себя в руки!

– «Черный орел» еле держится на воде, – не сдавался капитан. – И вам придется с ним что-то сделать, так он плавать больше не может.

– И что же с ним надо сделать?

– Поставить в сухой док и хорошенько его подштопать. Не то он не успеет даже из Ламанша выйти.

– Прекрасно, – холодным тоном сказал коммерсант. – Раз вы настаиваете, значит, судно придется ремонтировать. Но, разумеется, это сильнейшим образом отразится на вашем жалованье.

– Как это?

– В настоящее время вы получаете пятнадцать фунтов в месяц и пять процентов комиссионных. Мы платим вам столько ввиду риска, которому вы подвергаетесь. Мы поставим «Черного орла» в сухой док, и с этих пор вы будете получать десять фунтов в месяц и два с половиной процента комиссионных.

– Эй, погодите-ка! – закричал моряк. Его медно-багровое лицо совсем потемнело, налитые желчью глаза злобно заблестели. – Вы эти штучки со мной бросьте, черт бы вас подрал! – прошипел он и, подойдя к столу, оперся на него так, что его сердитое лицо почти вплотную приблизилось к лицу коммерсанта. – Меня голыми руками не возьмешь, приятель, потому что я свободный британский моряк и надо мной хозяев нет!

– Вы пьяны, – сказал старший компаньон. – Сядьте!

– Жалованье мне убавлять! – ревел капитан Миггс, все больше разъярясь. – Это мне-то! После того, как я служил вам верой и правдой, жизни своей не жалея! Вы только попробуйте, хозяин, только попробуйте! А что, если я возьму и расскажу про то, как закрашивались грузовые марки? Что тогда будет с фирмой «Гердлстон»? Да вы мне жалованье удвойте, лишь бы это дельце не выплыло на свет божий!

– О чем вы говорите?

– О чем? Ах, вы не знаете, о чем я говорю? Где уж там! Это же не вы велели нам ночью замазать государственные марки и поставить их повыше, чтобы можно было взять лишний груз. Это, значит, не вы распорядились, а?

– Вы собираетесь утверждать, будто я отдал вам подобное распоряжение?

– Само собой! – гремел рассерженный моряк.

Гердлстон ударил в гонг, который стоял у него на столе.

– Гилрей, – спокойно распорядился он, – сходите за полицией.

Капитан Гамильтон Миггс был несколько ошеломлен этим неожиданным ходом своего противника.

– Потихе, потихе, хозяин, – сказал он. – Чего это вы затеваете?

– Я намерен потребовать вашего ареста.

– Это за что же?

– За угрозы, запугивание и попытку вымогательства.

– Свидетелей-то не было, – ответил моряк с некоторым вызовом, но уже явно струсив.

– Нет, были, – заметил Эзра Гердлстон, входя в кабинет. Он давно уже стоял между дверями, отделявшими кабинет от конторы, и слышал большую часть разговора. – Но, кажется, я перебил вас. Вы говорили, что замажете доброе имя моего отца, если он откажется повысить вам жалованье.

– Я ж ничего дурного не думал, – сказал капитан Гамильтон Миггс, тревожно переводя взгляд с отца на сына. В молодости он был хорошо известен полицейским властям и не имел ни малейшего желания возобновлять знакомство с ними.

– Кто закрасил эти грузовые марки? – спросил коммерсант.

– Я.

– Вам кто-нибудь велел это сделать?

– Нет.

– Попросить полицейского войти, сэр? – осведомился Гилрей, заглядывая в дверь.

– Пусть немного подождет, – ответил Гердлстон. – А теперь, капитан, вернемся к сути нашего разговора: поставим ли мы «Черного орла» на ремонт в сухой док и снизим вам жалованье, или же вы сочтете возможным отправиться в новое плавание на прежних условиях?

– Отправлюсь, будь оно трижды проклято! – отрезал капитан и, сунув руки в карманы куртки, вновь развалился на стуле.

– Совершенно правильное решение, – одобрительно произнес его суровый хозяин. – Но божба – весьма греховная привычка. Отошли полицейского, Эзра.

Молодой человек усмехнулся и вышел, оставив отца вновь наедине с капитаном.

– Если вы ничего с ним не сделаете, портовый инспектор все равно его в плавание не выпустит, заметил моряк после долгого молчания, во время которого он успел перебрать в памяти все свои обиды.

– Ну, разумеется, мы что-то сделаем. Нашу фирму никто не обвинит в скупости, хотя мы избегаем излишних расходов. Надо будет покрасить и просмолить корпус, а также перебрать такелаж. Это ведь добротное старое судно, и под командой превосходного моряка – мы же знаем вам цену, капитан, – оно совершит еще немало рейсов.

– Мне-то платят за риск, хозяин, как вы только что сами сказали, заметил капитан, – а вот как насчет тех, кто за него ничего не получает, мои помощники, команда?

– Дорогой капитан, во всяком деле есть свой риск. Без риска в нашем мире прожить невозможно. Вы знаете, что сказано о тех, кто отправляется в море на кораблях: они видят чудеса пучины морской, но зато и подвергаются опасности. Землетрясение может разрушить мой дом на Эклстон-сквер, ураган может сокрушить его стены, однако же я не думаю об этих опасностях. Так почему же вы убеждены, что с «Черным орлом» обязательно должно случиться несчастье?

Моряк ничего не ответил на эти рассуждения, хотя они его и не убедили.

– Ну ладно! – сказал он угрюмо. – Я же согласился – и делу конец, так что говорить об этом больше нечего. Вам зачем-то нужно посылать в плавание дырявые лохани, и вы мне хорошо платите, чтобы я на них плавал. Это меня устраивает, и вас это устраивает. Ну, и об чем разговор?

– Справедливо. Хотите еще рому?

– Нет.

– Почему?

– А потому, что люблю быть в своем рассудке, пока разговариваю с вами, мистер Гердлстон. Вот уйду из вашей конторы и буду пить до дальнейших распоряжений. А дело делать и заодно дурманиться не желаю! Когда прикажете выйти в море?

– Когда разгрузитесь и снова погрузитесь. Недели через три или через месяц. К тому времени я жду Спендера с «Девой Афин».

– Если только с ними по дороге ничего не приключится, – заметил капитан Гамильтон Миггс с прежней нехорошей усмешкой. – Когда мы возвращались, он был в Сьерра-Леоне. Сам-то я зайти в порт не мог, потому что у тамошней полиции был ордер на мой арест: я всадил в одного черномазого хороший заряд дроби.

– Это был дурной поступок, Миггс, очень дурной, – проникновенно произнес коммерсант. – Вы обязаны заботиться об интересах фирмы. Нам слишком невыгодно, чтобы из-за подобной причины наши корабли лишались возможности заходить в такие хорошие порты. А вызов в суд вам вручили?

– Другой черномазый привез его на борт.

– Вы его прочли?

– Нет, бросил в море.

– А что стало с негром?

– Да видите ли, – ухмыльнулся Миггс, – когда я, значит, бросал вызов за борт, черномазый-то за него держался. Ну, и полетели они в воду вместе. А я поднял якорь и ушел в море.

– А акулы там водятся?

– Попадают.

– Право же, Миггс, – сказал коммерсант, – вы должны научиться обуздывать свои греховные страсти. Вы нарушили шестую заповедь² и лишили «Черного орла» возможности торговать с Фритауном.

– Тоже мне торговлишка! – ответил моряк. – С английскими колонистами дела не сделаешь. Мне подавай настоящих черномазых, которые понятия не имеют о законах там или цивилизациях и всякой другой такой чуши. Вот с ними я полажу.

– Я часто задумывался над тем, как вам это удастся, – с любопытством заметил Гердлстон. – Вы умеете взять полный груз там, где самые лучшие и степенные наши люди и мешка орехов не получают. Как вы этого добиваетесь?

– Это многим бы хотелось узнать, – ответил Миггс, выразительно подмигивая.

– Значит, это секрет?

– Да от вас-то чего скрывать: вы же не шкипер, и меня не убьете, если я вам и скажу. Ну, а так-то, я, конечно, не хочу, чтобы эта штука всем была известна.

– Как же все-таки вы этого достигаете?

– А вот послушайте, – ответил Миггс. К этому времени он, казалось, совсем успокоился и рассказывал о своих подвигах с большим удовольствием. Я с ними напиваюсь. Вот как это у меня получается.

– Ах так!

– Да, в том-то вся и штука. Господи боже ты мой! Да когда эти хваленые капитаны с сертификатами, всякие там графские племянники да двоюродные братцы являются туда, так они смотрят на вождей и разговаривают с ними, будто Мафусаилы какие-нибудь! До того спесью надуваются, что сюртук самого господа бога им и в жилеты не пригодится. Ну, а я, значит, приглашаю всю эту братию к себе в каюту, какие они там ни есть черные и голые, да и попахивает от них не слишком чтобы приятно. А потом я, значит, вытаскиваю ром, и начинается у нас «выпей сам, передай бутылочку соседу!». Глядишь – у них языки и развязались. А я сижу и помалкиваю да мотаю на ус, какой у них есть товар. А уж когда я знаю, что покупать, так было бы довольно странно не купить. К тому же они не хуже христиан любят, чтобы с ними обходились уважительно, и помнят, что я их компанией не брезговал.

– Прекрасный способ, Миггс, чудесный способ, – сказал коммерсант. – Фирма чрезвычайно высоко ценит ваши услуги.

– Ну ладно, – сказал капитан, вставая со стула, – у меня от этой болтовни совсем в глотке пересохло. Я, конечно, готов запанибрата с вождями черномазых, но будь я проклят, если стану... – Он умолк, но угрюмая улыбка на губах его собеседника показала, что тот понял намек. – А вот скажите-ка, – продолжал Миггс, фамильярно толкая хозяина локтем, – если бы мы, скажем, да пошли на дно в Бискайском заливе, так вышло бы, что вы маленько прощитались, а?

– Почему же?

– А потому, что уж очень намного мы были застрахованы. И приключись с нами беда в начале плавания, вы бы положили в карман не одну тыщонку, уж я-то знаю! Да только вернулись мы с грузом, который принесет больше, чем страховка. И, значит, потопни мы на обратном пути, так вы остались бы в чистом убытке, и попал бы боцман в собственную удавку, как говорит Шекспир.

– Подобных случайностей мы предусмотреть не можем, – с достоинством ответил коммерсант.

– Ну, пожелаю вам доброго утра, хозяин, – буркнул капитан Гамильтон Миггс. – Если я вам понадобится, так найдете меня в известном вам заведении, в «Петухе и курослепе». Это, значит, в Роттерхите.

² «Не убий» (библ.).

Когда капитан вышел из конторы, Эзра отправился к отцу в кабинет.

– Чудак! – заметил он, кивнув на дверь, через которую удалился Мигтс. – Я услышал, что он ревет, как разъяренный бык, и решил, что мне следует послушать. Но иметь такого человека на службе очень полезно.

– Он просто полудикарь, – ответил его отец, – и прекрасно чувствует себя среди дикарей. Вот почему он так хорошо с ними ладит.

– И тамошний климат ему тоже, кажется, не вредит.

– Не вредит его плоти, ты хочешь сказать. Но его безнравственности можно только ужасаться. Впрочем, вернемся к делу. Будь добр, повидайся со страховщиками и уплати взнос за «Черного орла». Если окажется возможным, то увеличь сумму страховки. Но действуй очень осторожно, Эзра, с большим тактом. В следующее плавание «Черный орел» отправится в пору равноденственных штормов. И если с ним все-таки что-нибудь случится, то фирме незачем оставаться в убытке.

Глава V. Современные афиняне

Эдинбургский университет с угрюмым юмором именуется «альма матер» своих студентов, но если его и можно признать матерью, то лишь самого героического спартанского склада, удивительно хорошо умеющей скрывать свои материнские чувства. Университет интересуется своими сынами лишь в тех не слишком редких случаях, когда надеется получить от них гинею-другую. И тут остается только удивиться, с какой заботой старая курица считает своих цыплят и с какой быстротой эта просьба достигает каждого из тысяч ее питомцев, рассеянных по всей империи, – питомцев, которые, несмотря на пренебрежительное к ним отношение, питают в глубине души нежную привязанность к своему колледжу. Самый вид университета символичен: квадратное массивное здание, угрюмый серый фасад – ни колонны, ни барельефы нигде не смягчают скучного однообразия каменных стен. В этом оплоте учености и практической пользы нет места для сентиментальности и романтизма, что, впрочем, отвечает духу той нации, самым молодым и самым процветающим учебным заведением которой он является.

Юноша, поступивший в какой-нибудь английский университет, словно вновь оказывается в школе, лишь несколько более обширной и премудрой. Если же он окончил Харроу или Итон, то ему и вовсе трудно заметить разницу между жизнью, которую он вел в старшем классе, и той, которая ожидает его на берегах Кэма или верхней Темзы. Ему отводятся комнаты, в которых до него уже обитали неисчислимые поколения студентов и которые в будущем послужат приютом для стольких же поколений. Его религиозность служит предметом тщательной опеки, он обязан являться на общую молитву в зал и посещать часовню. Ему положено возвращаться в свой колледж не позже установленного времени. Специальные служители следят за его благонаведением, и любой его проступок может навлечь на него строгое наказание. Но зато университет всячески им интересуется и гладит его по головке за каждый успех. Того, кто опояшет свои чресла и начнет трудиться, ожидают всяческие награды, стипендии, солидные денежные пособия.

В шотландском университете вы не найдете ничего подобного. Молодой человек вносит требуемую плату и становится студентом, после чего он волен делать все, что ему заблагорассудится. В определенные часы читаются определенные лекции, которые он может посещать, если хочет. Если же он их не посещает, то университетское начальство не обратит на это ни малейшего внимания. Его религия также не интересует университет – он может поклоняться солнцу или какому-нибудь своему собственному фетишу, воздвигнув ему алтарь на каминной полке в своей комнате. Он может жить, где хочет, ложиться спать и вставать, когда хочет, и ему дано право безнаказанно нарушать любую из десяти заповедей при условии, что в пределах университета он все же воздержится от слишком уж непозволительных выходов. В любом отношении студент шотландского университета сам себе хозяин. В определенные сроки проводятся экзамены, но он может их сдавать, а может и не сдавать. Университет представляет собой огромную равнодушную машину, которая с одного конца поглощает поток долговязых, неотесанных юнцов, а с другого конца извергает их уже в виде ученых священников, проницательных юристов и искусных врачей. Из каждой тысячи штук сырья примерно шестьсот полностью проходят процесс обработки. Остальные в ее ходе отбрасываются.

Достоинства и недостатки шотландской системы высшего образования равно очевидны. Юноша, предоставленный самому себе в не слишком-то высоконравственном городе, нередко падает в самом начале жизненной скачки, чтобы больше уже не подняться. Многие студенты превращаются в бездельников или спиваются, а другие, зря потратив время и деньги, которые могли бы употребить на что-нибудь более полезное, оставляют колледж, не приобретя там ничего, кроме пороков. С другой стороны, люди, наделенные волей и здравым смыслом, кото-

рые помогают им противостоять соблазнам, получают наилучшую подготовку к самостоятельной жизни. С честью выдержав испытание, они приобретают уверенность в себе и умение стоять на собственных ногах. Короче говоря, они становятся взрослыми людьми в то время, когда их английские сверстники в духовном отношении еще остаются школьниками.

На верхнем, третьем этаже дома на Хау-стрит некий Томас Димсдейл проходил срок своего испытания в маленькой спальне и большой гостиной, которая, как это водится у студентов, служила ему также столовой, приемной и кабинетом. Ветхий буфет, четыре еще более ветхих стула и диван археологической древности, а также заваленный тетрадами круглый стол красного дерева составляли всю обстановку комнаты. Над каминной доской помещалось засиженное мухами зеркало в венце из заткнутых за раму бесчисленных карточек и конвертов. По бокам его расположились две подставки для трубок. На буфете подозрительно аккуратным строем стояли внушительные тома, покой которых явно нарушался очень редко: «Остеология» Холдена, «Анатомия» Куэйна, «Физиология» Керка и «Беспозвоночные» Гексли, а также человеческий череп. Сбоку к камину были прислонены две берцовые кости, а по другую его сторону красовались две рапиры, два эспадрона и набор боксерских перчаток. На полке, в уютной нише, хранилась беллетристика, и стоявшие там книги выглядели куда более потрепанными, чем ученые тома. «Эсмонд» Теккерея, «Новые сказки тысячи и одной ночи» Стивенсона и «Ричард Феверел» Мередита тесно соседствовали с «Завоеванием Гренады» Ирвинга и романами в бумажных обложках, зачитанными почти до дыр. Над буфетом висела вставленная в рамку фотография команды регбистов Эдинбургского университета, а напротив – фотография самого Димсдейла в весьма скудном костюме (фотография была сделана сразу же после того, когда на внутренних университетских соревнованиях он выиграл забег на полмили). Под ней, на полочке, стоял большой серебряный кубок, которым он был награжден по случаю этой победы. Так выглядела комната вышеуказанного студента в то утро, о котором пойдет рассказ, и необходимо добавить только, что сам молодой ее хозяин лениво развалился в кресле в углу, посасывая короткую деревянную трубочку и закинув ноги на край стола.

Этот сероглазый белокурый юноша, широкий в плечах и узкий в бедрах, сильный, как бык, стремительный и легкий в движениях, как олень, мог бы считаться прекрасным образчиком молодого англичанина. Афинский скульптор с удовольствием скопировал бы эти длинные красивые ноги и круглую сильную голову, изящно посаженную на крепкую, мускулистую шею. Однако лицо его отнюдь не отличалось классической правильностью черт. Оно было законченно англосаксонским вплоть до широко расставленных глаз и маленьких усиков, казавшихся светлее загорелой кожи. Это лицо, застенчивое и все же волевое, не очень красивое, но приятное, могло принадлежать только человеку, который не умеет и не любит говорить о себе; но именно такие люди, а не ораторы и не писатели, помогли опоясать нашу планету алым кушаком британских владений.

– Наверное, Джек Гарруэй уже готов, – пробормотал он и, отложив номер «Скотсмена», поглядел на потолок. – Ведь уже одиннадцать часов.

Он зевнул, поднялся на ноги, взял кочергу, влез на стул и трижды постучал в потолок. Сверху донеслись три глухих ответных удара.

Димсдейл, прыгнув на пол, неторопливо снял куртку и жилет. В ту же минуту на лестнице послышались быстрые, энергичные шаги, и в комнату вошел худощавый, но крепкий на вид молодой человек среднего роста. Кивнув в знак приветствия, он отодвинул стол к стене, в свою очередь разделся и взял лежавшие в углу боксерские перчатки. Димсдейл уже в перчатках стоял на середине комнаты, являя собой образец мужественной грациозности и силы.

– Начнем отрабатывать твой удар, Джек. Бей сюда! – И он постучал себя по лбу пухлой перчаткой.

Джек стал в стойку, и его левая рука глухо стукнула по указанному месту. Димсдейл мягко улыбнулся и покачал головой.

– Плохо, – сказал он.

– Я бил изо всей мочи, – с виноватым видом ответил тот.

– Все равно плохо. Попробуй снова.

Гость ударил еще раз как мог сильнее.

Димсдейл огорченно покачал головой.

– Ты никак не можешь понять, – сказал он. – Вот смотри.

Он наклонился вперед, раздался звук резкого удара, и ученик, перелетев через всю комнату, чуть было не выбил головой дверную панель.

– Вот как надо, – терпеливо сказал Димсдейл.

– Да неужели, – ответил его товарищ, потирая затылок. – Чертовски интересно! Но, по моему, я понял бы лучше, если бы ты показал мне этот удар на ком-нибудь другом. Это какая-то смесь между судорогами и взрывом порохового погреба.

Его наставник мрачно улыбнулся.

– Другого способа научиться ему не существует, – сказал он. – А теперь – трехминутный бой на ближней дистанции, и утренний урок закончен.

Пока в жилище студентов происходила эта сцена, по Хау-стрит неторопливо шел невысокий пожилой толстяк, поглядывая на номера домов. Он был объемист, как пузатая бутылка с голландским джином, но на мясистом красном лице поблескивали пронизательные, умные глаза, в которых прятались веселые искорки извечного мальчишества. Его румяные щеки были окаймлены пушистыми седеющими бакенбардами, и шел он спокойной походкой человека, довольного и собой и всеми, кто его окружает.

Он остановился перед домом номер тринадцать и громко постучал в дверь металлическим набалдашником своей трости.

– Миссис Мактавиш? – спросил он костлявую женщину с суровым лицом, которая ему открыла.

– Да, это я, сэр.

– Если не ошибаюсь, мистер Димсдейл проживает у вас?

– Третий этаж, сэр.

– Он дома?

Женщина вперила в него подозрительный взгляд.

– Вы счет принесли? – спросила она.

– Счет, любезная моя? Нет, ничего подобного. Я доктор Димсдейл, отец этого молодца. Приехал сюда из Лондона повидаться с ним. Надеюсь, он не слишком переутомляет себя занятиями?

По лицу женщины скользнула улыбка.

– Вроде бы нет, сэр, – ответила она.

– Пожалуй, мне следовало бы прийти попозже, днем, – сказал посетитель, широко расставив толстые ноги на коврик у двери. – Жаль отвлекать его. Ведь он по утрам занимается.

– Ну, уж это вы напрасно, сэр.

– Ну-ну! Третий этаж, вы сказали? Он меня так рано не ждет. Придется оторвать милого мальчика от работы.

Хозяйка по-прежнему стояла в прихожей и прислушивалась. Толстячок, тяжело ступая, поднялся на второй этаж. На площадке он остановился.

– Боже мой! – пробормотал он. – Тут кто-то выбивает ковры. И бедняжка Том вынужден заниматься в подобном шуме?

Когда он достиг площадки между вторым и третьим этажом, шум заметно усилился.

– Наверное, здесь кто-то дает уроки танцев, – решил доктор.

Однако когда он добрался до двери своего сына, его недоумение относительно источника этих звуков окончательно рассеялось. Из-за двери доносился топот и шарканье ног, слышалось

шипение, словно кто-то втягивал воздух сквозь стиснутые зубы, а порой раздавался глухой стук, как будто кто-то бодал мешок с шерстью.

– Эпилептический припадок! – испуганно воскликнул доктор и, повернув ручку, кинулся в комнату.

Одного поспешного взгляда было достаточно: какой-то сумасшедший молотил его Тома кулаками. Доктор бросился на безумца, схватил его поперек живота, опрокинул на пол и уселся у него на груди.

– Ну-ка свяжи ему руки, – не без самодовольства распорядился он, всей тяжестью придавливая извивающуюся фигуру.

Глава VI. Выборы ректора

Прошло немало времени, прежде чем сын, задыхавшийся от хохота, сумел втолковать воинственному доктору, что он восседает не на буйном сумасшедшем, а на весьма достойном и законопослушном члене общества. Когда доктор наконец понял, в чем дело, он немедленно освободил своего пленника и рассыпался в извинениях.

– Гарруэй, это мой отец, – сказал Димсдейл, – я его не ждал так рано.

– Приношу вам тысячу извинений, сэр. Дело в том, что я близорук и не успел надеть очки. Мне показалось, что тут происходит опасная драка.

– Да забудьте об этом, сэр, – с величайшим добродушием ответил Гарруэй.

– А ты, Том, плут ты эдакий! Так-то занимаешься по утрам? Я думал, что застану тебя за книгами. Я даже сказал твоей хозяйке, как мне неприятно отвлекать тебя от работы. Ведь, если не ошибаюсь, ты должен через несколько недель сдавать экзамены.

– Не беспокойтесь, папа, – кротко ответил его сын. – Мы с Гарруэем обычно немного разминаемся перед трудовым днем. Садитесь в кресло и выкурите папиросу.

Доктор увидел ученые тома на камине, череп, и его дурное настроение рассеялось.

– Как погляжу, у тебя все инструменты под рукой, – сказал он.

– Да, папа, все в полном порядке.

– Эти кости будят во мне старые воспоминания. Я, конечно, подзабыл анатомию, но думаю, что еще могу с тобой потягаться. Ну-ка, ну-ка, назови мне отверстия клиновидной кости и скажи, что через них проходит. А?

– Иду! – изо всей мочи крикнул его сын. – Иду! – И тут же исчез за дверью.

– Я ничего не слышал, – заметил доктор.

– Да неужели, сэр! – отозвался Гарруэй, быстро застегивая куртку. По-моему, кто-то звал.

– Вы занимаетесь вместе с моим сыном, не правда ли?

– Да, сэр.

– Так, может, вы скажете мне, что проходит через отверстия клиновидной кости?

– Да-да, конечно, сэр. Ну, во-первых... Сейчас, Том, сейчас! Извините, сэр! Он меня зовет. – И Гарруэй исчез с той же быстротой, что и его друг.

Оставшись в одиночестве, доктор курил свою папиросу и печально размышлял о том, что становится туговат на ухо.

Вскоре оба студента вернулись с чуть-чуть пристыженным видом и немедленно пустились в многословные рассуждения о погоде, городских новостях, об университете – о чем угодно, кроме клиновидной кости.

– Если вы хотите посмотреть университетскую жизнь, папа, – сказал Том, – то вы приехали в очень удачное время. Сегодня мы выбираем нашего нового лорда-ректора. Мы с Гарруэем все вам покажем.

– Да, мне часто хотелось посмотреть что-нибудь подобное, – ответил его отец. – Я ведь, мистер Гарруэй, учился по старинке и поступить в университет мне не довелось.

– Правда, сэр?

– Но я так ясно себе все это воображаю? Есть ли зрелище прекраснее, чем сообщество молодых людей, стремящихся к знанию и соревнующихся в прилежании и любви к занятиям? Но, конечно, я признаю, что им следует и развлекаться. Я вижу, как они прогуливаются по старинным дворикам своего древнего университета и на досуге обсуждают различные физиологические теории или последние добавления к фармакопее.

В течение этой речи Гарруэй некоторое время сохранял подобающую серьезность, но при ее заключительных словах он вдруг поперхнулся и вновь с молниеносной быстротой исчез за дверью.

– Твоему другу, по-видимому, стало смешно, – кротко заметил доктор Димсдейл.

– Да, это с ним случается, – ответил его сын, – и все братья у него такие же. Но я еще не сказал вам, папа, как я рад вас видеть.

– А я тебя, мой милый мальчик. Твоя мать и Кэт приедут вечерним поездом. Я уже снял нам номер в гостинице.

– Кэт Харстон! Шесть лет тому назад, когда я ее видел в последний раз, это была тихонькая девочка с длинными каштановыми волосами. Она обещала стать очень хорошенькой.

– Ну, так она сдержала свое обещание. Впрочем, ты сможешь сам судить об этом. Она живет у своего опекуна Джона Гердлстона – коммерсанта, ведущего торговлю с Африкой. Но мы ее единственные родственники. Ее отец был моим троюродным братом. Теперь она часто бывает у нас в Филлимор-Гарденс, так часто, как позволяет ее опекун. Он предпочитает, чтобы она оставалась дома, и я его не виню – ведь она словно солнечный лучик. Ему было бы легче дать выдрать себе все зубы, чем согласиться отпустить ее с нами сюда. Но я настаивал, пока совсем его не измучил. Да-да, в буквальном смысле слова. – Толстенский доктор усмехнулся, вспомнив про свою победу, и протянул ноги поближе к огню.

– Экзамены помешают мне проводить с вами столько времени, сколько мне хотелось бы.

– Правильно, мой мальчик, ничто не должно отвлекать тебя от занятий.

– Впрочем, я не особенно опасуюсь. И я рад, что они приезжают теперь, потому что на следующую среду назначен международный матч в регби. Мы с Гарриэем хавбеки шотландской команды. Вы все непременно должны посмотреть эту игру.

– Вот что, Димсдейл, – сказал Гарриэй, появляясь в дверях. – Если мы не поторопимся, то вообще не успеем на выборы, ведь уже скоро двенадцать.

– Я совсем готов! – воскликнул доктор Димсдейл, вскакивая на ноги и застегивая сюртук.

– Ну, так идемте, – сказал его сын, и, взяв шляпы и трости, они быстро спустились по лестнице и вышли на улицу.

Выборы ректора – это специфический шотландский обычай, и каким бы он ни показался беспристрастному наблюдателю, сами студенты считают эту церемонию чрезвычайно торжественным и важным событием, которое может иметь серьезные последствия. Слушая речи и призывы соперничающих ораторов, можно вообразить, что от того, будет ли избран их кандидат, зависит целостность конституции и самое существование Британской империи. Обычно в кандидаты выдвигаются какие-нибудь видные деятели консервативной и либеральной партий и назначается день выборов. Право голоса имеют только студенты, а профессора в выборах не участвуют. Среди возможных кандидатов всегда находятся желающие занять этот почетный пост, тем более что с ним связаны лишь номинальные обязанности. Изредка выдвигаются кандидатуры какого-нибудь известного писателя или ученого, но, как правило, выборы носят чисто политический характер и обставляются, точно настоящие парламентские выборы.

Уже за несколько месяцев до великого дня начинается деятельная к нему подготовка. Заседают тайные комитеты, вырабатываются правила, и вкрадчивые агенты рыскают повсюду, высматривая тех, кто еще не выбрал своего флага и доступен политической агитации. Затем проходит великолепный митинг «Ассоциации студентов-либералов», который немедленно затмевается банкетом «Студенческого консервативного общества». Теперь предвыборная кампания в полном разгаре. На воротах университета вывешиваются огромные доски, и к ним припиливаются ядовитые сатиры на того или другого кандидата, пародийные песенки, цитаты из их речей и яркие карикатуры. Осведомленные лица, претендующие на то, что им хорошо известно, как бьется пульс университета, разгуливают с многозначительным видом и не скупятся на намеки, какой кандидат должен собрать больше голосов. Некоторые берутся даже указать это с полной точностью. Другие покачивают головами и туманно объявляют, что, кто бы ни был избран, результат будет один. Неделя за неделей возбуждение нарастает, достигая кульминации с наступлением дня выборов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.